

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

ЭВОЛЮЦИЯ ОПТАТИВА В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Оптатив, или желательное наклонение, входя в число косвенных, относится к неустойчивым образованиям (Серебренников 1974 : 239—240). Формы оптатива могут переосмысляться в формы будущего времени или пополнять парадигму императива, причем последняя тенденция рассматривается как одна из типологических закономерностей (Храковский, Володин 1986 : 47). Так, славянский императив является продолжением индоевропейского оптатива (Мейе 1951 : 264; ИГРЯ 132). Во многих тюркских языках среди форм, выражающих побуждение, только формы 2-го лица относятся к собственно императивным, все остальные представляют собой разновидности желательного наклонения (Серебренников 1974 : 241; Храковский, Володин 1986 : 47). Смещение форм оптатива («смягчительного повелительного наклонения») с формами императива предполагается также в парадигме финского глагола (Бубрих 1955 : 51). Оптатив влился в повелительное наклонение и во всех германских языках (ИТМГЯ 289). Переосмысление форм желательного наклонения во временные имело место, например, в некоторых тюркских языках, где выделяется будущее, показатель которого восходит к маркеру оптатива (Серебренников 1974 : 242). Обе названные тенденции развития желательного наклонения хорошо прослеживаются на материале селькупских диалектов южной группы (имеется в виду разделение на два языковых массива: северный (тазовско-енисейский) и южный (тымско-нарымско-кетско-обский); Хелимский 1985 : 42).

Из диалектов селькупского языка выделение оптатива аргументировано на синхронном срезе в тазовском, принадлежащем к северному языковому ареалу. Формы желательного наклонения маркируются здесь суффиксом *-l(ä)*- нередко в сочетании с частицей *sä* в пре- или постпозиции и используются для выражения

а) намерения, обещания: *qarçä muntyk sä koñaltyläp* 'я потом все расскажу';

б) побуждения или пожелания, обращенного говорящим к себе или группе лиц, в которую он входит: *qontalläläk!* 'вздремну-ка я!'; *qallytyn!* 'пойдемте!';

в) пожелания на будущее: *tat tərүm yky cätyläl (sä)* 'пусть ты его не встретишь'; *muntyk qällä man üramäk* 'пусть все идет (в будущем) по-моему!';

г) просьбы разрешить что-либо сделать: *mät šērläk?* 'в дом можно войти?'; *näqquylltyn?* 'нам можно покурить?';

д) следствия из некоторого условия, обозначенного глаголом в кондиционалисе: *tat cäñkүттäntү, mat yky wäšyläk* 'Если тебя не будет, я не встану' (ОчСЯ 245—246).

Финитные глагольные формы на $-l(V) \sim -l(\bar{s}) - (\dots s(\bar{s}))$ представлены достаточно широко и в других диалектах селькупского языка, где в отношении их, как, впрочем, и в тазовском диалекте, исследователи допускали самые различные трактовки. Так, М. А. Кастрен связывал формант $-l(\bar{a})$ с будущим временем и императивом (Castrén 1854 : 371, 377). Г. Н. Прокофьев относил формы на $-l\bar{æ} - (-l\bar{æ} \dots s\bar{æ})$ к будущему времени наклонения неочевидного действия (нарратива) (Прокофьев 1935 : 68—69, 79). А. Йоки считал, что суффиксальный показатель $-l(\bar{s})$ в селькупском языке является показателем будущего времени, способным выполнять функции волюнтатива, адхортатива и императива (это мнение, изложенное в неопубликованном курсе лекций, приводит А. Кюннап (Künnap 1978 : 99)). Е. Д. Прокофьева, П. Хайду и А. Кюннап трактуют финитные l -овые формы как будущее время индикатива (Прокофьева 1966 : 407; Hajdú 1968 : 146, 149; Künnap 1978 : 134). Л. В. Морева включает суффикс $-l(V)$ одновременно в число маркеров будущего времени индикатива и императива (Морева 1975 : 119—124; Moreva 1985 : 59).

На наш взгляд, формы на $-l(V) \sim -l(\bar{s}) - (\dots s(\bar{s}))$ в тымском диалекте (чумылькупы, далее Ч) и среднеобских говорах (чумылькупы, шёшкупы, далее Ш) (см. Dulson 1971 : 35—43), как и в тазовском диалекте селькупского языка, следует считать формами желательного наклонения, парадигматическим значением которого выступает реальное желание. В этом значении пересекаются внешняя модальность реальности и волеизъявление говорящего в сочетании с желательностью действия (ср. ОчСЯ 245—246; ИТМГЯ 221; О разграничении внутренней и внешней модальности, а также о модальности реальности см. Ермолаева 1978 : 12 и далее). Сферой употребления опатива, как и индикатива и императива, являются в названном языковом ареале самостоятельные предложения. Как и в тазовском диалекте, финитные l -овые формы могут использоваться в тымском диалекте и среднеобских говорах для выражения

- а) побуждения или желания, обращенного к 1-ому лицу: Ч *timñala, na tadit paronb ənnə čanžəlut* 'братья, (давайте) на верхушку этого кедра вверх залезем (мы-многие)!'; Ш *kβelut kβilčugu* '(давайте) пойдем (мы-многие) порыбачим!'; Ч *kβellei fažip kišelgu, ugolgu čβisse* 'пойдем (мы-двое) мясо обдирать, назад (домой) его тащить!'; *kβilai šekalž pižeikal kigin* 'пойдем (мы-двое) с ночевкой на Пыжейку-речку!';
- б) пожелания на будущее: Ч *čundəp kβandəladə mōren* 'пусть коней увезут (они-многие) в море!'; Ш *por peldila* 'да поможет бог!'; Ч *nādēmna tōla* 'к девушке своей пусть придет он!'; *špa ela* 'пусть хорошо будет!';
- в) просьбы разрешить что-либо сделать: Ш *mat tōkulak tirindit tīdalžel?* 'разрешите прийти к вам завтра?'; *mat teka tōlaχ?* 'могу я прийти к вам?'; Ч *mat tažind peldilaŋ üdin tādile?* 'разрешите помочь вам принести воды?'; *me kaliluts matta?* 'можно ли нам остаться дома?'

При передаче указанных значений формы на $-l(V) \sim -l(\bar{s}) - (\dots s(\bar{s}))$ выражают реальное желание в сочетании с волеизъявлением говорящего, которое не требует немедленного исполнения со стороны слушателя, как в императиве. Само действие относится при этом к временному плану будущего. Таким образом, формы опатива неизбежно сочетают модальное значение с футуральным. Однако последнее в фор-

мах оптатива может до известной степени отделяться от модального. Это происходит прежде всего в позиции наименьшей мотивации — при выражении намерения, обещания в формах 1-го лица: Ч *ħβendelue, tat ħβenet karamond, čaim mužereš, a me tūluze* 'увезем, ты в избушку иди, чай сварь, а мы придем'; *nu a tep mekaudet: rabota manžele pūle tūluze* 'ну, а он (председатель сельсовета) говорит: вечером после работы приедем'; Ш *mat tat pajarəndə ħβellage* 'к твоей жене пойду я'; *mat torlebe* 'я почитаю' (ср. пункт а по тазовскому диалекту). Именно в этих формах футуральное значение менее всего связано с модальным, в то время как в остальных случаях они практически нерасчленимы (ср. ИТМГЯ 108). Становление значения будущего времени в рамках показателя оптатива связано с отделением футурального значения от инвариантного модального.

Сфера употребления форм оптатива в тымском диалекте и среднеобских говорах значительно шире, чем в тазовском диалекте: в тымском диалекте и среднеобских говорах для желательного наклонения характерна развитая синтагматика. В названном языковом ареале *l*-овые формы используются также для передачи значений возможности, долженствования, приказа и др. (см. также Морева 1972 : 79—84; Морева, Алиткина 1976 : 92—105). Объяснение этому можно, на наш взгляд, найти в следующем. Оптатив противостоит индикативу в рамках категории наклонения по признаку наличия волеизъявления говорящего / отсутствия волеизъявления говорящего. Оппозиция оптатив / императив основана, в свою очередь, на различиях в оттенках волеизъявления: императив выражает волеизъявление, требующее немедленного исполнения со стороны слушателя, оптатив — волеизъявление, не требующее немедленного исполнения со стороны слушателя. Но при этом наблюдается полная идентичность оптатива, императива и индикатива в отношении внешней модальности — модальности реальности. Значение волеизъявления не противоречит значению реальности — это разноплановые модальные значения. Именно поэтому становится возможной нейтрализация противопоставлений между данными наклонениями в плане синтагматики и обнаруживается возможность транспозиции оптатива в сферу употребления как императива, так и индикатива (ср. ИТМГЯ 222, 223). При транспозиции в сферу употребления императива (как правило, во 2-м лице) формы оптатива приобретают оттенок долженствования: Ш *tannan andyŷl labəp il'al!* 'к твоему обласку принадлежащее весло возьми!'; *mēlel načalnap mat kožengo!* 'сделай это для меня!'; Ч *loya tūβα ħβənn, madŷni: ŷdŷlel mazip onenžini!* 'лиса пришла к зайцу, просит: пусти меня к себе (жить)!'; *eβit čenča: ħki tūriŷende!* 'мать-ее говорит: не плачь!' и т. д. Связь оптатива и императива прослеживается и в том, что для выражения отрицания в них употребляется частица *ħki*, не используемая в других наклонениях (см. последний пример; аналогично в тазовском диалекте, ОчСЯ 246). При транспозиции в сферу употребления индикатива формы оптатива имеют оттенок возможности и долженствования, а нейтрализация инвариантного модального значения сопровождается выделением футурального: Ш *tat mešplel načalnap kanduk čenča aβel* 'ты должен делать то, что говорит мать-твоя'; *tab koček tabep ħβatpadŷ, tab tapžellar tōlla* 'он много белок добыл, он сможет раньше вернуться домой'; Ч *mat kanat onekŷin ijar, moš biŷ, tāduleze* 'я собаку к себе взял, может быть, поправится'; *mat pon račannat, paip*

ponda sariznap — *sfa els* 'я лесину срубил, нож к лесине привязал — хорошо будет (= должно быть)' и т. д.

Транспозиция оптатива в сферу употребления индикатива в тымском диалекте и среднеобских говорах носит устойчивый характер. При этом формы оптатива выступают как средство футурализации действия. Однако данный факт все же не может свидетельствовать в пользу содержательного уравнивания оптатива и индикатива и полного подавления инвариантного для оптатива модального значения. То, что *l*-овые формы переводятся на русский язык будущим временем и, наоборот, в переводах с русского на селькупский выступают в ситуациях, ориентированных на временной план будущего, еще не служит основанием для выделения *l*-ового будущего времени: в подобных случаях может переводиться не только парадигматическое временное значение формы, но и не имеющее соответствующей парадигматической значимости видовое или модальное значение (ИТМГЯ 102).

Что позволило бы выделить в тымском диалекте и среднеобских говорах *l*-овое будущее время? Констатировать наличие такового в названном лингвистическом ареале можно лишь в том случае, если у *l*-овых форм произойдет вытеснение инвариантного модального значения оптатива (что приведет к невозможности их использования для выражения волеизъявления), и футуральная функция станет самостоятельной и первичной.

В нашем случае косвенным доказательством завершения процесса переосмысления форм оптатива в формы будущего времени послужила бы грамматикализация средств, выражающих желательность совершения действия, в том числе и по отношению к процессам, не соотносимым с футуральным временным планом. Это обусловило бы специализацию *l*-овых форм для выражения только будущего времени. Такими средствами могли бы стать модальные глаголы, а также формы с *-nčV-* (>*-nžV-*) и его морфонологическими и фонетическими вариантами, которые трактуются как наклонение намерения — *Modus der Absicht* (Морева 1985 : 59) и могут иногда использоваться для выражения желания без отнесения действия к будущему времени: Ш *mat tirəndəlt kərfon őr in enžam* 'вам я медвежье сало хотел дать'; Ч *uŋgülvummenžam tab čaptimd, no umbi čažugu* 'мне хотелось послушать его рассказ, но надо идти'; *tab talžil tinžiya* 'он вчера хотел прийти' и т. д. Однако формы с упомянутым суффиксом чаще всего указывают на отнесенность действия именно к будущему и, как и формы оптатива, служат в названном лингвистическом ареале средством косвенной футурализации: Ч *mat tidalžil mažon kβinžak* 'я завтра в лес пойду (= хочу пойти)'; Ш *mat aragon kβanžak* 'я к старiku пойду'; *kibaičen βadep menžar* 'я ребенку мяса дам' и т. д. Модальные же глаголы в среднеобских говорах широкого распространения для выражения желательности действия не получили (Морева 1972; вопрос о развитии лексических средств выражения модальных значений в тымском диалекте требует изучения). Поэтому более правомерно, по-видимому, считать финитные *l*-овые формы в тымском диалекте и среднеобских говорах не формами будущего времени индикатива, а констатировать на фоне устойчивой транспозиции оптатива в сферу употребления индикатива развитие у показателя наклонения временного значения. Тем самым на материале селькупского языка может быть продемонстрирована диалектическая связь категорий вре-

мени и склонения и историческая изменчивость сущности морфологического маркера.

В кетском диалекте селькупского языка (сюсюкумы, далее С) более устойчивый характер носила, по-видимому, транспозиция опатива в сферу употребления не индикатива, а императива, причем формы опатива «восполняли пробел» в выражении волеизъявления, вызванный отсутствием форм императива для 1-го лица (Терещенко 1979 : 216; ОчСЯ 245). Об этом свидетельствует возможность выделения в данном диалекте побудительного склонения — адхортатива, маркируемого *-l(V)*- и реализующегося в формах 1-го лица, как правило, двойственного и множественного числа: С *čēnčičuŋ kənnəŋ tumbaneni: ünŋalʒimbak, tumbane, oŋkəmiyan illilo* 'собака волку говорит: слушай, волк, (давай) вместе жить будем (мы-двое)!'; (*taɣat*) *kβelil'dēlo ŋuŋoŋ!* '(давайте) порыбачим немного (мы-двое)!'; *kβellot iranne, tünde tepam ʒaččelot* 'пойдем (мы-многие) к старику, в огонь его бросим (мы-многие)!'; (*taɣat*) *surul'dēlot tebdi assi konnaŋ* '(давайте) поохотимся здесь немного (мы-многие)' и т. д. (Кузнецова 1987 : 100—101). Поскольку между адхортативом и императивом в кетском диалекте существуют отношения дополнительной дистрибуции (2, 3 л. — императив, 1 л. — адхортатив), реально объединение этих склонений в одной парадигме императива (ср. ИТМГЯ 213). Однако маркер адхортатива *-l(V)*- встает между основой и показателями лица-числа, используемыми во всех склонениях, кроме повелительного. На этом основании формы на *-l(V)*- не включаются в парадигму императива. Аналогично рассуждает Н. М. Терещенко при выделении побудительного склонения в нгансанском языке (1979 : 216). Препятствием к объединению форм адхортатива и императива в одной парадигме является и существующее между ними различие содержательного характера. Так, в кетском диалекте адхортатив, парадигма которого представляет собой свернутую парадигму опатива, противостоит императиву по тому же признаку, что и опатив противостоит императиву: волеизъявление говорящего, не требующее немедленного исполнения со стороны слушателя / волеизъявление говорящего, требующее немедленного исполнения со стороны слушателя (см. также Кузнецова 1987 : 100). Учитывая, что основанием для выделения какого-либо склонения служит наличие модального значения, неперекрываемого значениями других склонений, и суффиксальной маркированности, представляется вполне оправданной трактовка финитных *l*-овых форм в кетском диалекте как самостоятельного склонения. При утрате адхортативом специфического модального значения и суффиксальной маркированности относительно императива формы адхортатива могут быть включены в парадигму повелительного склонения. Следует заметить, что *l*-овые формы не употребляются в кетском диалекте для выражения желания, намерения совершить действие. Для передачи названных значений здесь используются конструкции с модальным глаголом *kɨkkiku* 'хотеть'.

Таким образом, для селькупского опатива характерны обе названные тенденции развития данного склонения: переосмысление форм опатива в формы будущего времени и включение форм опатива в парадигму императива. Эволюция форм желательного склонения в диалектах селькупского языка обусловлена наличием у опатива развитой синтагматики и устойчивостью его транспозиции в сферу употребления либо индикатива, либо императива, а также развитием иных средств выражения желательности действия.

Сокращения

ИГРЯ — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол, Москва 1982; **ИТМГЯ** — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола, Москва 1977; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих В. Д. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград.
- Ермолаева Л. С. 1978, Типология развития системы наклонений в германских языках. Автореф. докт. дисс., Москва.
- Кузнецова Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
- Мейе А. 1951, Общеславянский язык, Москва.
- Морева Л. В. 1972, Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка. — Языки и топонимия Сибири V, Томск, 79—84.
— 1975, Будущее время в селькупском языке. — Языки и топонимия Сибири VII, Томск, 119—124.
- Морева Л. В., Алиткина Л. А. 1976, Предложения с модальными значениями. — Сказки народов Сибирского Севера II, Томск, 92—105.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград.
- Прокофьева Е. Д. 1966, Селькупский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 392—415.
- Серебренников Б. А. 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- Терещенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1985, К исторической диалектологии селькупского языка. — Лексика и грамматика языков Сибири, Барнаул, 42—58.
- Храковский В. С., Володин А. П. 1986, Семантика и типология императива. Русский императив, Ленинград.
- Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
- Dulson, A. 1971, Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. — СФV VII, 35—43.
- Hajdú, P. 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
- Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- Moreva, L. V. 1985, Das Modalfeld des Selkupischen (in Mundarten am mittleren Ob'). — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание, том 1, Сыктывкар 1985, 59.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

ÜBER DIE ENTWICKLUNG DES OPTATIVS IN DEN SÖLKUPISCHEN DIALEKTEN

Als ein indirekter Modus zeichnet sich der Optativ durch seine Unbeständigkeit aus. Die Formen dieses Modus können in die Futurumformen umgewandelt werden und das Paradigma des Imperativs ergänzen. Beide Entwicklungstendenzen lassen sich im Sölkupischen erkennen. Die Evolution des Optativs in den sölkupischen Dialekten ist sowohl durch seine feste Transposition in den Anwendungsbereich des Indikativs und des Imperativs als auch durch die Entwicklung anderer Mittel zum Ausdruck eines realen Wunsches bedingt.